

МАРИНА СУРЖЕВСКАЯ



СОВЕРШЕННЫЕ

МОНСТР ДОЛЖЕН
УМЕРЕТЬ

Марина Суржевская

Совершенные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68928894

SelfPub; 2023

Аннотация

Кассандра Вэйлинг из Нью-Касла – «золотая девочка» города, ведь ее папа – градоначальник, а мама – самый известный в Империи миротворец. Кассандра – красивая, дерзкая и самоуверенная, в нее влюблен «король» колледжа, а будущее кажется совершенно безоблачным. Кассандру ждет прекрасная жизнь. Или... нет? Грядет День цветущей вишни, несущий перемены. И приближается тот, кто все изменит. Книга первая.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. День цветущей вишни	8
Глава 2. Самый важный день	23
Глава 3. Темный альков	44
Глава 4. Ход пешки	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Марина Суржевская

Совершенные

*Однажды ты увидишь звезды и поймешь,
насколько они совершенные.*

Пролог

Когда все катится в бездну и становится невыносимым, каждый задается вопросом: где именно он свернул не туда. Где тот злосчастный поворот, после которого новый шаг лишь приближает падение к пропасти. Точка невозврата, делающая жизнь на до и после.

У него было вполне неплохое «до». Идеалы, в которые он верил. Путь, по которому мечтал пройти. Мечты и цели, которые должны были осуществиться.

И люди, которых он любил.

Да. Это самое главное.

Люди.

Когда все пошло не так?

В отличие от многих, он прекрасно знал свою роковую дату. Свою проклятую точку обратного отсчета. О да, он знал и помнил тот день так ясно, словно все это случилось лишь вчера.

Мог ли он в тот день предположить, каким станет после? Что однажды будет стоять на этой скале, окруженный заледелыми камнями, и смотреть на девушку у своих ног. В ее глаза – испуганные, с расширенными, топящими радужку зрачками. На ее тело – сжавшееся от паники, все еще пытающееся сбежать. Не верящее, что это возможно. Что он это сделает.

На веревки, связывающие ее тело.

И на нож в своей руке.

Мог ли в тот злополучный день он хотя бы предположить, что однажды убьет ее?

Конечно, нет.

Тогда это казалось нереальным бредом, способным вызывать лишь смех.

Увы. Бред обернулся жуткой воплотившейся реальностью. А он больше не смеется. Впрочем, она тоже.

– Ты не сможешь...

Ее слова скользнули шелестом, и их унес ветер.

Он не стал отвечать. Он смотрел на верхушки сосен, на оранжевую линию горизонта, где таяло солнце. Девушка на камнях дрожала – от холода или страха, он же не ощущал ничего. Ветер облизывал руки, колючим языком трогал рукоять, зажатую в ладони, осторожно касался пока еще чистого лезвия.

Солнце ухнуло вниз, и закат вспыхнул на скалах нестерпимо-алым, разбрызгивая кровавые всполохи. Пора.

Он повернулся, чтобы еще раз посмотреть ей в лицо. Знакомое до самой крошечной черты, до самой прекрасной мелочи. Изученное так же хорошо, как и собственное. В ее глаза, уже почти полностью черные от накативших эмоций.

Тихо всхлипнув, она дернулась в сторону, отползла на несколько шагов. Словно все еще надеясь. Все еще пытаясь сбежать. Но позади молчаливыми стражами высились кам-

ни. Впереди темнел обрыв.

И стоял он.

Закат сплясал джигу на лезвии, и алое потемнело до чернильного сумрака.

Выхода не было.

И спасения – тоже.

Словно поняв это, она прекратила глупые попытки освободиться. Подняла голову, облизала сухие губы. И встретила его взгляд, когда он наконец повернулся.

Усмешка исказила ее лицо.

– Теперь я вижу, – сказала она, неотрывно глядя в глаза своего убийцы. – Ты изменился. Теперь ты сможешь.

– Да. – Его движение к ней медленное и завораживающее, словно танец змеи. Ее всегда очаровывало то, как он двигается. – Теперь – да.

Она прикрыла глаза, словно больше не могла смотреть на него.

– Я хочу... запомнить тебя другим. – Слова давались ей с трудом. – Нас обоих. Запомнить, какими мы были. Тогда. Такими... юными, да.

Он не ответил. Он давал ей время. Им обоим.

– Еще – наивными. – Она снова облизала губы. – Хотя нет. Ты никогда не был наивным. Ты всегда был особенным.

– Солнце село, – сказал он.

Пора.

Глава 1. День цветущей вишни

Вишни пахнут так сладко, что я пошире открываю рот, словно надеюсь наестся медовым ароматом.

Со второго этажа нашего дома на холме открывается прекрасный вид на Касл. Из окна моей комнаты видна красивая башня Адмиралтейства и старинное здание колледжа, ряды двухэтажных домов с черепичными крышами, окруженные серебряным изгибом реки, и набережная, в которой покачиваются корабли. И конечно – Аллея цветущих вишен, которая вечером станет главным местом города. Обычно вся улица сияет огнями и хорошо просматривается, но сегодня ее прячет бледно-розовый шторм из цветов вишен. Им окутан весь Касл, и даже к нашему дому ветер приносит ароматные хрупкие лепестки. И еще запах. Такой вкусный, что он тает на языке подобно сладчайшему пирожному.

Я облизала губы, жалея, что запахом нельзя наестся.

Впрочем... зачем я вообще об этом думаю? Какое мне дело до запаха розовых лепестков? Особенно сегодня?

Единственное, что должно занимать мою голову в этот день – предвкушение.

Я вытянула левую руку, растопырила пальцы, рассматривая свое запястье с тонкими, едва заметными прожилками вен и выступающей косточкой, и довольно улыбнулась. Сегодня это запястье украсится главной драгоценностью наше-

го мира! Сегодня я утру нос всем, кто во мне сомневался. Сегодня я обрету крылья, чтобы жить той жизнью, о которой всегда мечтала!

И пусть я никогда не стану Совершенной, но смогу быть яркой жемчужиной в обществе тех, кто подобен богам!

Внизу хлопнула дверь, и в ту же секунду возле дома мягко притормозил внедорожник. Водитель всегда предельно точен. Впрочем, как и все, кто работает на нашу семью.

Хотя нет, не так.

Работает на моего отца.

Словно в ответ на мои мысли, на пороге показался он сам. Как всегда – безупречно одетый в выглаженный до хруста военный мундир. Я закусила губу, поняв, что отец в синем. Синяя форма. Не парадная белая, а повседневная синяя!

Неужели он не счел сегодняшний день достаточным поводом, чтобы облачиться в белое?

Сверху мне были видны седые волосы отца, уложенные волосок к волоску, ряды орденов на его груди, блеск сапог и даже жёсткий ремень с круглой бляхой.

Водитель – тоже бывший солдат – отдал честь, приветствуя генерала, и распахнул дверцу автомобиля. Еще через миг внедорожник развернулся и покатил к дороге.

Я проводила его взглядом, гадая, знал ли отец, что я за ним наблюдаю. Хотя о чем я говорю! Конечно, он знал. Отставной генерал и нынешний градоначальник Нью-Касла Ричард Вэйлинг предпочитал все держать под контролем. Но

даже если он ощущал мой взгляд на своем затылке, отец не обернулся, чтобы помахать рукой перед отъездом. Даже сегодня. Даже в этот день.

Впрочем, он никогда не махал мне рукой.

На первом этаже звякнул входной колокольчик и тут же прозвучал суровый голос дворецкого. Почти все работники нашего дома – бывшие военные, так что с чем-чем, а с дисциплиной в поместье Вэйлинг всегда полный порядок.

Ну а если бы не я, этот порядок стал бы образцовым.

Я хмыкнула и прикрыла окно, чтобы шелковые занавеси не трепал ветер, а потом обернулась к госте.

– Госпожа Кассандра! – Вошедшая женщина отмахнулась от приветствий, окинула меня быстрым профессиональным взглядом и поставила на столик объёмный чемоданчик, доверху набитый всевозможными баночками, скляночками, палетками и кистями. – Прекрасно выглядите! Вижу, вы соблюдали мои рекомендации, не ели сладкого, соленого или жирного, пили достаточно воды. Ваша кожа в отличном состоянии! Что ж, приступим к работе.

– Да, мастер Мэй, я готова, – кивнула я, присаживаясь у окна, чтобы потоки света омывали мое лицо.

Аманда Вэйлинг гордо взирала со своего места, и я – уже привычно, почти неосознанно, – сдвинула стул, на котором сидела, чтобы внимательный и строгий взгляд матери меня миновал. И неважно, что Верховный миротворец Империи сейчас была всего лишь портретом на стене – я все равно

отодвинулась.

И лишь оказавшись вне зоны досягаемости нарисованного взгляда, вздохнула свободно и прикрыла глаза, позволяя мастерице начать свою работу над моим лицом.

Некоторое время тишину комнаты нарушали лишь звуки с улицы да слабый шелест кисти, касающейся кожи.

В приоткрытое окно тонкой струйкой втек запах из кондитерской, недавно открытой ниже по склону холма. Ваниль и шоколад. Запах оказался таким вкусным, что мне захотелось открыть рот и откусить кусочек. Как же пахнет-то, провались эта кондитерская в ад!

Приоткрыв один глаз, я с надеждой осмотрела низкий столик, на котором медленно томился над круглой свечой прозрачный чайник. В оковах запотевшего стекла неторопливо раскрывались крошечные бутоны мальвы, настаивался белый гибискус и отдавали свою свежесть листья перечной мяты. В центре травяного танца кружили лепестки зеленого чая. Достаточно, чтобы насытить отвар бодростью, и слишком мало, чтобы бодрость сменилась греховным возбуждением.

Все точно по заветам всеми уважаемой и почитаемой Марии Гренли – нынешней Чайной Леди Касла. Ну и по совместительству – моей мачехи. Благо, никто не додумался украсить мою комнату и ее портретом, но один лишь вид зеленого чая неизбежно воскрешал в памяти знакомое бледное лицо.

Я поморщилась, оторвавшись от созерцания чаинок, и

снова осмотрела столик, все еще надеясь обнаружить там что-то более существенное. Например, пирожное, одно из тех, что пекут в запрещенной мне кондитерской на склоне. Или на худой конец – печенье. Но, конечно, там не оказалось ни того, ни другого.

В этом доме чай всегда заваривают по всем правилам. И к нему никогда не подают сладости.

Впрочем, прислуга сильно удивилась бы, потребуй я что-то подобное. Тем более – сегодня.

– Госпожа Вэйлинг, не вертитесь. Я глаза крашу, а вы моргаете! – проворчала Мэй, а я послушно сомкнула веки и даже затаила дыхание. Сегодня я не могу себе позволить ни капли небрежности или неряшливости. Сегодня все должно быть идеально, как никогда.

Как всегда.

Совершенная госпожа из рода Вэйлинг в ее совершенный и самый важный за семнадцать лет день.

Живот заурчал, словно насмехаясь надо мной и этим днем. А еще предательски напоминая о пропущенном завтраке. И весьма-весьма скромном ужине, состоящем лишь из крошечного кусочка дыни.

Но верх моего выпускного платья так тесно обтягивает ребра, что я не могу позволить себе ни грамма лишнего веса. Мою тонкую талию сегодня украет белый атлас, на котором видно даже самый крошечный, самый малейший изъян. А это значит, что никакого изъяна быть не должно.

Я идеальна. Всегда и во всем! И сегодня снова это докажу!

– Не вертитесь, госпожа Кассандра! Сидите ровно, что вы крутитесь, как юла! – снова проворчала Мэй, ничуть не стесняясь моего высокого статуса. И плевать, что пожилая Мэй всего лишь мастер визажа, а я – дочь градоначальника и почти дипломированный миротворец. В обычной жизни разница между нашими положениями на лестнице иерархии составляет так много ступеней, что с моего места Мэй даже не видно. Но не сегодня... Не сегодня. Потому что в День цветущей вишни повелительница помад и кистей – почти самый важный человек для любой выпускницы Колледжа Миротворства. А слава о мастерстве умелицы Мэй давно разлетелась далеко за пределы нашего города. Она – лучшая в умении сотворить из любого лица истинное произведение искусства. А лучшее – это то, что всегда выбирает моя семья. Именно поэтому сегодня мне завидует весь выпуск, зная, что Мэй колдует именно над моей красотой.

А уж я-то постаралась донести эту новость до всех красавиц Колледжа! Мэй Хловис сегодня красит веки и губы именно мне, несмотря на все попытки перекупить или даже запугать мастера. Глупые девчонки! Нашли с кем тягаться! Со мной! Наследницей Вэйлинг! Золотой девочкой и признанной королевой Колледжа! Кишка тонка!

Я фыркнула и не сдержала улыбку. За что тут же получила легкий шлепок от мастерицы.

– Не кривитесь, юная госпожа! – строго приказала Мэй. –

Или хотите, чтобы ваши губы напоминали не цветок, а пиявку, прилипшую к лицу?

Я промолчала. Застыла как истукан, изо всех сил прогоняя мысль об испорченных губах. Даже мелькнула крамольная мысль, что надо было приглашать для макияжа не Мэй, а ее вечную соперницу – Хлою Шан...

Словно ощутив мои сомнения, хитрая мастерица обмахнула меня пушистой кисточкой и пропела:

– Хотя надо признать, ваше лицо – истинная улада для ценителя красоты. Предки щедро одарили вас, госпожа Вэйлинг. У вас удивительно чистая кожа, а оттенок... Ах, какой оттенок! Жемчуг и перламутр, не иначе! Ваши губы красивой формы и приятной наполненности. Ваш нос изящный и ровный, а ваши скулы высоки. А ваши глаза... ах, госпожа! Озера чистой воды, а не глаза! Счастье работать со столь чудесным материалом!

Я хотела снова скривиться на столь откровенную лесть, но не стала. Впрочем, мое лицо действительно приятно глазу. Светлая кожа и серебристо-белые волосы, прозрачно-серые глаза – таковы отличительные черты женщин моего рода. Такой была моя мать, несравненная Аманда. Говорят, я практически ее полная копия. Хотя глядя на портрет матери, я всегда вижу лишь наши различия.

Я снова слегка передвинулась.

Нарисованный на холсте взгляд обладал непонятным и пугающим эффектом. Куда бы я ни отошла, он всегда насти-

гал меня. Рано или поздно.

Возможно, изобрази художник мою маму в платье и с распущенными волосами, я бы ощущала больше родства между нами. Но на картине была не мать и женщина, с холста смотрел Верховный миротворец Империи, в жёстком мундире с эполетами и черной портупеей на груди. Орденов не было, но даже если бы Аманда надела их все, это не смогло бы затмить самую главную, самую невероятную награду – атмэ на ее груди, Знак Совершенства. Высшее достижение Духа.

Мой отец вот не мог похвастаться подобным, но он всегда был больше воякой, чем совершенствующимся. И на военном поприще достиг таких высот, что любой солдат знает имя генерала Вэйлинга.

Впрочем... Сейчас я меньше всего хотела думать о достижениях своих родителей!

Прикрыв глаза, я медленно выдохнула и снова втянула воздух, делая паузы, как учил мастер Духа. Подобные практики невыносимо скучны, и чаще всего на подобных уроках я просто сплю, пользуясь полутьмой, но даже у такой нерадивой ученицы, как я, за годы обучения отложится в голове правильная техника дыхания и основы гармонизации.

Я сделала еще несколько вдохов-выдохов, гордясь собой. В конце концов, сегодня у меня праздник и хватит думать о том, что портит мне настроение. Сегодня великий день! День цветущей вишни! День, когда выпускники Колледжа получают заветные белые ленты и уже заслуженное звание Начи-

нающего Миротворца! А самое главное – браслет. Браслет, о котором мечтает каждый житель земли!

Я постаралась сдержать счастливую улыбку, чтобы снова не вызвать недовольство мастерицы. А ведь как только я получу нейро-панель, мне уже не понадобится искусство Мэй. Я сама смогу творить со своим лицом и телом все, что пожелаю!

Ну, почти все.

Хотя, конечно, я никогда не признаюсь отцу в своем желании изменить цвет глаз или волос. Папочка свято чтит кодекс миротворцев и для него браслет имеет почти сакральное значение. Его использование должно приносить пользу Империи и окружающим людям, а не служить личным целям одного отдельно взятого индивидуума.

Я едва не скривилась, вспомнив любимое высказывание отца. Но вовремя остановила себя, дабы вновь не попасть в немилость к Мэй. От долгой неподвижности затекла спина и заболели плечи. Но я даже не вздрогнула.

– Вы чистый холст, госпожа Кассандра, – продолжила мастерица, накладывая на мои щеки сияющую пудру. – Идеальный холст для создания шедевра. Уверена, вы станете совершенным миротворцем!

Я сдержала выдох.

Все верно. Такая светлая, почти бесцветная масть – признак породы, знак избранности. Высшее качество от Вэйлинг.

– Вы прирожденный миротворец, госпожа. Как была ваша почтенная матушка, несравненная Аманда.

Несравненная Аманда. Именно так чаще всего говорят о моей маме. А потом смотрят пристально, находя во мне ее черты и пытаюсь оценить, насколько мы похожи с ней в остальном.

В остальном...

Я ощутила, как по спине ползет холодная капля пота.

– Ах, мне посчастливилось красить вашу матушку в день ее свадьбы. – Мэй издала деликатный вздох сожаления и горечи. – Никогда не забуду то утро! Осень, клены красные, как закат... и она – Несравненная Аманда. Уже с нейро-панелью, золотой браслет так и сверкал на ее руке! И уже известный миротворец... И ведь не нужна ей была я! Никто не нужен, с ее Силой Духа... Но вот – позвала. Она никогда не злоупотребляла силой панели, все это знают. Позвала мастера визажа, а ведь могла бы... Ах! Такая честь, такая честь... Никогда не забуду!

Я изо всех сил стиснула зубы. Надо было все-таки пригласить Хлою Шан. Она моложе и точно не красила мою маму – ни на свадьбу, ни на другое незабываемое событие! Но Мэй – лучшая. А Вэйлинги всегда берут лучшее.

Вот только с Хлоей у меня была бы возможность прожить это утро без разговоров о моей матери.

Это особенное утро.

К черту Мэй и ее воспоминания! Никто не испортит мне

выпускной день! Сегодня все будет так, как я мечтала!

– Ну вот и все, госпожа Кассандра! – словно в ответ на мои мысли воскликнула мастерица, позволяя мне наконец-то открыть глаза и разворачивая к зеркалу. – Вы прекрасны, моя дорогая! Почти так же, как и ваша несравненная матушка.

Последнюю фразу я пропустила мимо ушей и уставилась на свое отражение. Из груди вырвался восторженный и немного удивлённый вздох. Мэй действительно оказалась лучшей. Она никогда не спрашивала, что именно хочет получить клиент, но всегда давала то, что ему надо. Я подалась вперед, словно хотела прикоснуться к собственному отражению. Мое лицо под тонкой вуалью жемчужной пудры сияло утренней росой и нетронутой свежестью. А еще – красотой. Сотворив что-то неуловимое с помощью своих кистей и флакончиков, Мэй усилила все лучшее во мне, не изменив при этом фамильные черты. Серые глаза, оттененные золотой краской, стали глубже и мерцали загадочным блеском, губы пленяли карминной сочностью. Серебро волос покрылось розовой дымкой, словно иней на рассвете. Серебро и легкий пурпур одновременно... К моей бледной и тонкой аристократичности добавились краски, а еще – изящный и легкий соблазн, словно Мэй сумела ухватить и подчеркнуть что-то ускользающее и невидимое глазу.

– Это... это... – Я не смогла найти слов, чтобы выразить собственные эмоции. По правде, я даже не до конца понимала, какие эмоции испытываю. Все-таки я впервые увиде-

ла свое лицо накрашенным. Ну если не считать тайного эксперимента, который провела, купив дешевую косметику для лица. Но тогда результат получился настолько ужасным, что я долго хихикала, вспоминая сотворённое из себя чудовище.

— О, полно, госпожа Кассандра. — Мэй с достоинством улынулась. — Я всего лишь раскрыла красоту ваших черт. Вы юны, госпожа, но уже через пару лет вам не понадобится мое искусство.

— Конечно, — с придыханием ответила я, все еще не в силах отлипнуть от зеркала. — Через пару лет на моей руке закрепится нейро-панель и мне не понадобится краска!

— Я не об этом. — Мэй неторопливо складывала арсенал баночек и кистей обратно в чемоданчик. — Просто вы повзрослеете.

Я хмыкнула что-то нечленораздельное.

— Счет я направлю вашему отцу, госпожа Кассандра. Еще раз поздравляю с выпуском из Колледжа и поступлением в Академию Аннонквирхе. Говорят, это удивительное место. Лучшее учебное заведение Империи. Уверена, вы станете выдающимся миротворцем и совершите много благих дел.

Ну да, ну да. Как будто мне больше нечем заняться.

— Таким же выдающимся, как и ваши родители. Как ваша несравненная матушка.

Я отмахнулась и от этой фразы. На будущее у меня свои планы, и они не имеют ничего общего с достижениями моих предков. Они выбрали свой путь и видели смысл в работе

и всех этих бесконечных миссиях и секретных операциях. Отец даже сейчас, отойдя от военной службы и став градоначальником, относится к жизни так, словно вся она – бесконечное военное сражение... А мама... мама...

Я передёрнула плечами.

Они выбрали свою жизнь, но у меня своя дорога. А я уж точно не мечтаю провести ее, жертвуя собой ради высших идеалов. Хотя я давно научилась держать эти крамольные мысли при себе. Как раз после того, как получила от отца увесистую затрещину и провела несколько дней взаперти, наивно озвучив свои планы на жизнь. Кажется, мне было тогда лет семь...

Признаться, это был единственный раз, когда отец поднял на меня руку. Дальнейшие наказания были иными – иногда меня лишали ужинов, иногда запирали в комнате. Но это точно не могло меня образумить.

И что бы ни думал дражайший папочка, даже такой урок с оплеухой не заставил меня измениться. Я просто научилась держать свой язык за зубами.

К сожалению, получить нейро-панель можно лишь закончив колледж миротворцев и поступив в Академию. Так что учиться мне все же пришлось. Конечно, не так успешно, как хотелось бы отцу, но... Но это уже детали.

Пока я размышляла, любуясь своим лицом, в комнату вплыла домашняя помощница, чтобы помочь мне причесать волосы и надеть платье. Конечно, его тоже можно было на-

звать восхитительным, ведь это была работа самого Жан-Поля. Для его пошива водителю пришлось несколько раз возить меня в северную столицу на примерки. Но как утверждал мастер, получился настоящий шедевр.

Что ж, надевая это чудо, я была готова с ним согласиться. Белый атласный корсет обнимал талию и верх груди. Юбка, состоящая из десяти слоев розовой тафты, казалась облаком из крыльев фей. Плечи прикрывал укороченный жакет насыщенного пурпурного цвета с жесткими плечиками и широкими, свисающими до самого пола рукавами. Мои тонкие запястья в их прорезях казались особенно изящными и трогательными. А еще весь-весь жакет и подол юбки усыпали камни. Жемчуг – символ чистоты – и бледно-розовые турмалины, сияющие в каждом блике света. Такие же камни покачивались в моих ушах, гроздьями свисая до самых плеч. Лишь руки я оставила без украшений. Сегодня мне не нужны кольца и браслеты. Сегодня я жажду получить лишь одну драгоценность, достойную руки истинной Вэйлинг – золотой браслет, наивысшую ценность нашего мира! Нейро-панель!

Пока прислужница расчёсывала мне волосы до глянцевого блеска и закалывала часть прядей на затылке, чтобы остальные оставить свободными и спадающими до самой талии, я все любовалась своим отражением, не в силах от него оторваться.

Разве я не прекрасна? Академия Аннонkvирхе падет к моим ногам, едва я переступлю ее порог! Да что там Академия!

Весь Староград будет гордиться тем, что Кассандра Вэйлинг почтила город своим присутствием!

Я рассмеялась от предвкушения прекрасного будущего, которое начнется сегодня.

Не слушая урчание голодного живота и восхищенное причитание помощницы, я кинула последний придирчивый взгляд в зеркало. Но не нашла в отражении ни одного, даже самого крохотного изъяна. Сегодня мир увидит новую Вэйлинг, и она будет безупречной. Так, как и хотел папочка.

Скривившись и ощутив, как померк день, залитый вишневым светом, я отвернулась от зеркальной глади и покинула свою комнату. К черту отца, к черту все!

Обратно я вернусь, любуясь золотым браслетом на левой руке. И возможно, нарисованный на холсте взгляд несравненной Аманды хоть немного смягчится.

Глава 2. Самый важный день

Семейный автомобиль, больше похожий на броневик, остановился у ворот колледжа, и я в очередной раз пожалела, что нельзя доехать до самой лестницы, ведущей к арочным дверям с надписью «Знание-Дух-Совершенство». Эх, сегодня мне этого хотелось особенно сильно! Чтобы огромные колеса остановились прямо у нижней ступени – и молчаливый водитель в фуражке открыл мне дверь и подал руку, помогая выйти. Но, увы, подобное было запрещено уставом колледжа. И конечно, это не одобрил бы мой отец.

Поэтому даже в этот особенный день пришлось вылезать самостоятельно, а водитель лишь пожелал мне счастливого выпуска.

Арочные ворота, увитые чугунными цветами, стояли нараспашку и вдоль ограды уже теснились автомобили выпускников. А сами они шумной, наряженной в традиционные цвета выпуска толпой расположились на трех ярусах главной лестницы, отчего ступени казались белыми, розовыми и пурпурными волнами.

Помню, поначалу одноклассники пытались насмехаться над тем, что я приезжаю не на аристократичном кадиллаке с открытым верхом, а на огромном железном монстре, но быстро замолчали, поняв, что связываться с Вэйлинг – себе дороже. Я улыбнулась, припоминая свои детские забавы. О

нет, я никого не била и даже не угрожала. За это можно было в два счета вылететь из колледжа и получить от папочки кое-что похлеще затрещин. Да и портить руки дракой – точно не мой способ вести войну. Только дураки пытаются воевать грубой силой, которой у меня к тому же и не имелось. Я всегда была тонкой, если не сказать – худой, пусть и гибкой, как ивовый прут. Но зато у меня было весомое преимущество, и это не тень папочки-градоначальника за спиной. Ладно. Не только тень папочки за спиной! Просто я всегда была умной. Кто-то злобный и завистливый, типа моей вечной врагини Джемы Ржаник, назвал бы это хитростью и коварством, но во-первых, мне плевать на мнение Джемы, а во-вторых... во-вторых, чем хитрость отличается от ума?

Да, еще в младших классах я научилась мстить своим обидчикам. И тем, кто осмелился усмехнуться в открытую, и тем, кто шептался за спиной тайно.

Уже в семилетнем возрасте я поняла, что у каждого-каждого есть маленькие тайны, грязные секреты и постыдные поступки, которые человек пытается скрыть от окружающих. И что люди готовы на многое, чтобы эти тайны так и оставались тайнами.

О! Это было осознание, достойное ордена! Самый важный и самый нужный урок, который преподнесла мне жизнь.

И за прошедшие десять лет маленькая Кассандра Вэйлинг очень хорошо научилась обращаться с чужими секретами. Я собирала их вдумчиво и бережно, хранила в кладовых своего

разума, чтобы достать в нужный момент. И тут весьма пригодился папа-градоначальник, принимающий в своем доме всех важных и нужных людей города. Поначалу это было лишь моим развлечением. В конце концов, что еще делать маленькой девочке в огромном доме или на скучных светских приемах? Друзей у меня не водилось, так что я сама придумала себе занятие. Пряталась за занавесками кабинета, где мужчины с сигарами обсуждали нечто тайное и взрослое. Либо сидела под столом гостиной, в которой хихикающие леди полупшепотом выдавали друг другу свои непристойные тайны или семейные склоки.

Никто не обращал внимания на среброволосую девочку с широко распахнутыми глазами и милой улыбкой. Никто не видел в ней опасности. Всего лишь ребенок, ненароком подслушавший то, чего наверняка даже не понял.

Но я быстро научилась понимать. Понимать, запоминать и складывать в свою копилку чужих секретов.

Внимательный глаз способен подметить многое. Обрывки разговоров, прерывистые строчки удаленного сообщения, страстный шепот в темноте комнаты...

Я умела видеть детали и складывать по ним картину чужой тайны.

А потом...

Сыновья и дочери этих мужчин и женщин учились со мной в одной школе, а потом и в одном колледже. Все-таки Касл совсем небольшой городок... И все, кто посмел пой-

ти против Кассандры Вэйлинг, однажды были наказаны. Так или иначе.

Я снова улыбнулась. Порой приятно вспомнить детство.

Оправив юбку и высоко задрав подбородок, я осмотрелась. Но где же Дамир? Почему не караулит вход в ожидании меня? Неужели забыл? Но он не мог забыть о таком важном деле!

Сзади кто-то посигналил, оповещая, что пора освободить проезд. Я снова осмотрелась, мысленно проклиная Дамира и придумывая самую страшную месть из своего арсенала! И этот идиот еще надеется перевести наши отношения в новую плоскость? Например – горизонтальную? Да все, что он получит от меня после сегодняшнего прокола – это бесконечное презрение! И зачем только я связалась с этим недоумком?

Зачем, зачем... Затем, что Дамир – самый красивый парень выпускного курса. Он высокий и спортивный, а еще он обладатель роскошных золотых кудрей, зеленых глаз и шикарной улыбки. О нем мечтают все мои сокурсницы и даже несколько преподавательниц.

И именно поэтому сегодня он должен был сопровождать меня к лестнице! Именно поэтому я терплю его целый год, с того самого момента, как пришло время выбирать пару на выпускной. Терплю, тщательно скрывая собственное раздражение!

С дороги снова посигналили, и водитель, пожелав мне

счастливого выпускного, уселся за руль и медленно сдал назад.

Я выругалась самыми грязными, самыми отборными словами, которые с удовольствием подслушивала во время перепалок водителя и кухарки. Конечно, никто из них и предположить не мог, что во время их разъярённых словесных баталий за углом устраивается дочка хозяина и чуть ли не конспектирует их цветистые высказывания. Хотя записывать мне и не требовалось, у меня всегда была отменная память... на всякие гадости! С какой радостью я сейчас выкрикнула бы все, что знала, в лицо Дамиру! Или хотя бы – вслух! Но увы, все что я могла – это выругаться мысленно, а потом нацепить на лицо свою самую царственную маску и поплыть ко входу в колледж, ведь и дальше стоять у ворот, словно попрошайка – гораздо хуже. На ступенях лестницы уже толпились выпускники – все наряженные в шелка и увешанные драгоценностями. Конечно, если они у них имелись. Те, кто не мог позволить себе камни, прикололи к платьям и сюртукам веточки цветущей вишни. К моему величайшему сожалению, наряду с аристократией Касла колледж принимал на обучение и детей самых обычных, ничем не выдающихся горожан. Конечно, все понимали, что подобным неудачникам лучше бы учиться в какой-нибудь затрапезной школе гончарного мастерства, а не метить в миротворцы! Но попадались и те, кто этого не знал, или делал вид, что не знает.

Как, например, та самая Джема.

А вот, кстати, и она, чтоб ее бесы слопали!

Джема Ржаник, одетая в простое белое платье, с заплетенными в толстую косу каштановыми волосами и хмурыми светло-кариими глазами. Джема, всегда вызывающая у меня лютую неприязнь. С самого первого дня, когда меня – новенькую ученицу, – усадили с ней за одну парту. С того дня, как Джема протянула мне маленькую, перепачканную чернилами ладошку, и широко улыбнулась.

Да, я возненавидела ее в тот самый момент. Хотя... какая к черту ненависть? Слишком много чести для такой, как Джема! Я всего лишь ее...презираю.

Презренная Ржаник стояла на верхнем ярусе лестницы и, прищурившись, смотрела, как я поднимаюсь. Выпускники расступались передо мной, словно пурпурное море. Взгляд Ржаник приклеился к моему лицу и наряду, так что я еще сильнее вздернула подбородок, вышагивая на высоченных каблуках и наслаждаясь воцаряющейся вокруг меня тишиной. Я заставила себя не торопиться, а идти медленно, с гордым видом королевы.

Эх, все же жаль, что нельзя подниматься по этой лестнице в окружении верных слуг! Они были бы достойным обрамлением моего царственного шествия!

Голоса и смех учеников смолкали, пока я шла, и все-все головы поворачивались в мою сторону. И на всех-всех лицах я видела восторг, изумление, зависть! Чужие эмоции полились щедрым бальзамом на мою слегка поцарапанную Дами-

ром душу, и я совсем замедлила шаг, чтобы впитать побольше!

А когда наконец достигла верхней площадки, поняла, что вокруг стало удивительно тихо и все смотрят лишь на меня.

– Кассандра, оу, ты отлично выглядишь! – с восхищением выкрикнул Патрик, и я величественно кивнула.

– Какая ты красивая, Кэсс! – восторженно подхватил долговязый Архип. Из-за искреннего восторга в его круглых карих глазах я даже решила простить это панибратское «Кэсс». Один раз – прощу. Так уж и быть. Но лишь раз. Потому что чести называть меня сокращенным именем удастаивались лишь избранные, в число которых этот недоумок, конечно же, не входил.

Эту парочку – Патрика и Архипа – в обычные дни я даже не замечала, но сегодня они сыграли важную роль. Возможно, самую важную в своей никчёмной жизни! Своими восторгами они запустили лавину всеобщего восхищения, которая полилась на меня со всех сторон, заставляя даже забыть, что пришлось подниматься по проклятой лестнице в одиночку! Сейчас я даже порадовалась, что мерзавец Дамир не явился, чтобы поддержать меня, ведь так мое шествие оказалось еще более впечатляющим.

Нет, я не покинутая всеми одиночка. Я – прекрасная богиня, поднимающаяся на вершину мира! Мое появление вышло даже лучше, чем я ожидала, но это не означает, что я прощу Дамиру его подлую выходку!

– Кассандра, ты звезда!

– Прекрасная Кассандра Вэйлинг...

– О, кто эта дева из грез? Что за чудесное видение?

– Такое платье демонстрировали на показе мод в Нью-Пэйрисе... Это работа самого Жан-Поля? Невероятно!

– Посмотри на ее серьги... Такие изысканные... Неужели бриллианты?

– Конечно, бриллианты! Ее папочка не жалеет денег на дочурку... Вэйлинги богаче всего Совета...

– Ты ведь знаешь, кто ее мать?

– Спрашиваешь...

Поток восторгов и комплиментов все не иссякал. Я принимала их со снисходительным и слегка скучающим видом, в конце концов, королеве колледжа не привыкать к подобному! Но про себя скрупулёзно запоминала каждого и вычисляла тех, кто не проявил должного рвения в похвалах.

В стороне от всеобщего оживления осталась сама Джема и кружок таких же неудачников. К моему удовольствию, весьма маленький кружок!

Сполна насладившись потоком лести и восхвалений, я соизволила наконец двинуться к дверям.

– Размалевалась вся, – прошипела мне вслед подруга Джемы – приземистая и коренастая Ивона. – Лицо разукрашенное, серьги до плеч!

Я слегка замедлила шаг, размышляя, как поступить.

Проигнорировать? В конце концов, кто придаст значение

завистливому шепотку некрасивой Ивоны?

– Выглядит, как... как!..

Я грациозно повернулась и окинула девушку насмешливым взглядом.

– Ах, Ивона, – пропела я, привлекая всеобщее внимание. – Я выгляжу так, как никогда не будешь выглядеть ты. И раз ты не можешь подобрать правильное слово, то подскажу. Я выгляжу как дива. Как прекрасная дива, о которой мечтают все встречаемые парни. Но ты ведь никогда не узнаешь, что это такое, верно? Никто не мечтает о такой, как ты. Разве что любители сочных свинок.

Ивона залилась яркой багровой краской, обретая полное сходство с упитанным поросенком. Я давно заметила эту ее особенность и держала в уме, как шпильку, которую однажды можно воткнуть в бок.

– Да как ты смеешь! Ты... ты! – от волнения Ивона поперхнулась воздухом и издала хрип, ужасающе похожий на хрюканье.

Толпа выпускников захохотала, а девушка всхлипнула и бросилась прочь, спотыкаясь и едва сдерживая слезы.

Увы, Ивона никогда не отличалась умением держать удар. На самом деле я вообще не понимаю, как с таким ужасным самоконтролем она сумела закончить колледж.

Кто-то заплодировал, кто-то тоже захрюкал.

Джема насупилась, сжала кулаки и шагнула ко мне. Я подняла брови в деланном изумлении, а сама тем временем ли-

хорачдоно прикидывала, что буду делать, если ненормальная Джема все-таки бросится на меня. Вдруг она решит отомстить за все годы нашего обучения?

Но, конечно, я не позволила себе даже моргнуть и тем более утратить царственный вид. Королевы не бегут, когда видят бунтующую чернь! Королевы отвечают. А потом мстят. Беспощадно.

И все же вопрос с Ржаник надо решать быстро, пока она в самом деле не бросилась на меня и не повалила на мрамор, колотя башкой об пол. Помнится, в детстве она была на это способна.

– Ах, Джема, Джема, – с издевательской лаской произнесла я, краем глаза оценивая свою позицию.

Выпускники выстроились полукругом, с жадностью следя за развернувшимся действием. Я покосилась краем глаза. Кого я могу привлечь в союзники так, чтобы это не выглядело мольбой о помощи?

Черт, ну почему этой дурочке было просто не пройти мимо? Не закрыть глаза, как она привыкла делать!

– Что я вижу, Джема? Ты сжала кулаки? Неужели ты проявляешь открытую агрессию? И где? У входа в колледж миротворцев. Ай-ай, – покачала я головой, надеясь, что выгляжу все такой же расслабленной и невозмутимой. Я даже улыбнулась – снисходительно, как и подобает королеве. Сделала широкий жест рукой, словно привлекая собравшихся в свидетели. Хотя они и так ловили каждое мое слово. – Дже-

ма, это недопустимо. Ты источаешь низкие вибрации, я чувствую их даже без браслета! Это так...недостойно... Так отвратительно. Боюсь, комиссия может решить, что ты и сама недостойна получить сегодня новое украшение!

Ржаник издала низкий шипящий звук, но я заметила тень страха в ее глазах. Ну конечно же. Джема – дочь одинокой портнихи, и поступление в колледж, а потом в Академию миротворцев – для нее невероятная удача. И конечно, на Джему возлагаются невероятные надежды. Если сегодня Ржаник не получит белый браслет, все прошедшие годы окажутся напрасными. Вся ее жизнь окажется напрасной.

И Ржаник прекрасно поняла мой непрозрачный намек. Ведь в комиссию по распределению браслетов входит и градоначальник. Мой отец.

– Ты не посмеешь, Вэйлинг, – процедила она.

– Я? Но разве это я распространяю вокруг волны агрессии? Осторожно, Джема. Кое-кто может подумать, что ты от природы склона к низким вибрациям.

Я снова сделала широкий жест рукой, показывая, что за моей спиной очень много этих кое-кого. Тех, кто захочет остаться верным другом дочери градоначальника и наследницы Вэйлинг. Тех, кто знает, что не стоит ссориться с королевой.

Понимая, что сила на моей стороне, и желая показать, что я уж точно не боюсь эту Ржаник, я сделала несколько плавных шагов, отдаляясь от верной паствы и приближаясь к вра-

гам. Королева не чувствует страха.

Джема вздрогнула, когда я подошла. Ее карие, словно мокрые камушки глаза, расширились, и я увидела в зрачках свое великолепное отражение. Глупые и никчемные подруги Ржаник торопливо отскочили в сторону, словно это я сжимала кулаки.

Хотя я всего лишь улыбалась.

Королева побеждает.

– Кое-кто даже может решить, что у тебя есть тяга к мортидо*, Джема, – почти нежно прошептала я, склоняясь к лицу врагини. Мы с ней были одного роста, но Джема шире в плечах и бедрах. Она похожа на крепкий дубок, тогда как я – тонкая серебристая ива.

Губы Джемы скривились то ли от страха, то ли от злости.

– А может, те, кто пустил тебя обучаться, ошиблись? Может, ты и вовсе... разрушитель?

Страшное слово повисло в воздухе. Кто-то ахнул и отшатнулся, уловив его. Злое эхо чернотой прокатилось по белым, розовым и пурпурным рядам учеников, пачкая радостные лица испугом. И выпускники слаженно отшатнулись назад.

Джема вздрогнула, уставившись на меня с ужасом.

– Ты сошла с ума! – почти выкрикнула она. – Я будущий миротворец!

– Но ты едва не бросилась на меня с кулаками. Это все видели. Ты источаешь злобу.

– Ты меня провоцируешь!

– Я? Я всего лишь шла мимо. Я тебя даже не видела, – не моргнув, соврала я. – А вот ты набросилась со своей сворой. Натравила на меня Ивону. Неужели это зависть? Не можешь пережить моего успеха, Джема? Трудно смириться с тем, что не ты стала лучшей? Что не ты получишь золотой браслет?

У девушки отчетливо дернулась щека.

Главное правило королевы – знать уязвимые места своих врагов. Восприимчивость Ивоны. Или тайные мечты Джемы Ржаник.

О да, я точно знаю, что она мечтала об этом знаке признания. Золотой браслет, украсивший запястье на всю оставшуюся жизнь. Знак привилегий, знак избранности. То, что открывает дверь в лучшую жизнь. В невероятные возможности.

Золотой браслет всегда получает лучший ученик колледжа.

Его получает королева.

Я.

– Стерва. – Джема вдруг качнулась, и наши лица оказались близко-близко. Так близко, что я рассмотрела каждую ее черточку. И увидела, что на лице врагини нет ни капли краски. Ни помады, ни теней, ни туши. Что ее ресницы такие длинные и черные, а губы яркие, потому что так решила сама природа. А блестящие волосы Джемы, сейчас заплетенные в косу, завиваются в кольца тоже без всяких щипцов. Что ее платье – простое, светлое, сшито из дешёвой ткани, и

наверняка над ним поработал не какой-нибудь выдающийся и известный дизайнер, а ее мать-портниха.

Я вижу все это в один момент. А еще то, что Джема красива. Совсем не аристократична и даже не изящна, но... красива. Ее красота тоже простая и какая-то плотская. Она как земля. Как дерево. Как река.

И еще она – истинный миротворец. Лучший, настоящий миротворец нашего выпуска.

Мне ли не знать.

И да, это она должна надеть сегодня золотой браслет. Это она должна получить признание и похвалу Высокой комиссии. Это она должна идти по Аллее цветущих вишен с высоко поднятой головой, сияя гордостью и вновь приобретенным сокровищем.

Если бы мир был справедлив.

Но он несправедлив.

И по Аллее, высоко подняв руку с золотой полоской, пойду я. И лепестки вишен будут падать на мои плечи. И мне будет рукоплескать город.

Мне, королеве. Которая умеет побеждать. Любой ценой.

Все это проносится между нами, отражается в наших глазах. В моих – прозрачно-серых, обведенных кармином и сумраком. В ее – светло-карих, теплых, как корочка свежее испеченного хлеба.

– Я тебя ненавижу, Кассандра Вэйлинг, – тихо, в губы мне выдыхает Джема. – За все. А ведь когда-то я считала тебя...

Она замолкает, не договорив. И вовремя. Произнеси она неправильные слова, и возможно, это я не смогла бы сдержаться.

И все же мне почему-то хочется узнать то, что она не сказала. Считала меня... кем? Кем?

– Я считала тебя... нормальным человеком! – выпаливает вдруг Джема. – А сейчас – ненавижу!

– Я знаю, – шепчу в ответ. – Твоя ненависть такая же жалкая, как и ты сама, Джема. Она ничего не стоит.

– Это твой золотой браслет ничего не стоит, – тихо, чтобы не услышали другие, говорит девушка. – Он фальшивый. И ты тоже – фальшивая. Ты не миротворец. Ты недостойна.

Внутри что-то обрывается и падает, падает на дно моей души. Увы, этот враг тоже знает мои слабые места. Но к счастью, враг слишком труслив, чтобы этим знанием по-настоящему воспользоваться.

И все же я дрогнула. Тайна, которую я храню, ворочается на дне души, разрастается и поднимает голову, как большой уродливый монстр. Наверное, что-то такое все-таки отражается в моих глазах, потому что Ржаник прищуривается.

– Отец не сможет вечно прикрывать твой зад, Кассандра. Однажды все узнают, что ты...

– Мой отец тут ни при чем, – вырывается у меня.

Черт, черт, черт! Я сглупила и ляпнула, не подумав. Нельзя, нельзя такое говорить! Пусть считает, что это папочка-градоначальник обеспечил мне золотой браслет. Пусть

лучше так...

Я не могу, не должна произносить, что великий генерал Ричард Вэйлинг ни за что не стал бы этого делать. И если он узнает правду, все станет очень, очень плохо...

Но как, как я могла сказать это вслух? Все-таки Джема имеет надо мной некую власть. Хотя неудивительно. Она сильная. Очень сильная... И это даже без браслета.

И на миг мне кажется, что она сумеет победить...

Но удача всегда на стороне сильных. На стороне королев.
– Кэсси! Вот ты где! Боги, какой наряд! Ты решила затмить луну и звезды? И заодно – все цветущие вишни? Кассандра, ты невероятно красивая! Дай я на тебя посмотрю! – раздается за спиной звучный голос, от которого Джема вздрагивает и мигом сдувается, словно проткнутый иглой воздушный шарик.

Рядом со мной вырастает высокая фигура, и мне не надо оборачиваться, чтобы понять, кто это. Теплая ладонь ложится на мою талию, и Дамир – конечно же, это он, – осматривает нас со слегка удивленной улыбкой. Я поворачиваю голову. На лице парня играют ямочки, его золотистые волосы треплет ветер. Он безупречен, как янтарь в дорогой оправе. Достоянная рамка для королевы.

Мечта всех девушек колледжа.

И тайная греза Джемы Ржаник.

Под веселым и нахальным взглядом Дамира врагиня теряет самообладание и весь свой запал. Ее щеки розовеют,

губы приоткрываются, плечи опускаются. Вся ее агрессивность разлетается пеплом. Чувства делают ее слабой и мягкой, словно незащищенное брюшко ежа.

А мне ее чувства дают еще одну шпильку, которую можно воткнуть в поверженного врага.

Я не прощаю тех, кто увидел мою слабость.

И поэтому я улыбнулась Дамиру, скользнув ладонью по его плечу. А потом сама взяла его за руку.

Парень вздрогнул от удивления, опустил взгляд на мои пальцы, лежащие в его ладони. Его зеленые глаза потемнели из-за расширившихся зрачков, а мне эта реакция почти вернула хорошее настроение. Все же парни такие глупые! И ими так легко вертеть во все стороны!

– Кэсси?

– Я так рада тебя видеть, дорогой!

Я улыбнулась ошеломленному Дамиру. Как же вовремя он появился! Так вовремя, что, возможно, я даже забуду о его опоздании, из-за которого мне в одиночку пришлось тащиться по лестнице! Почти забуду. И моя месть теперь будет не такой страшной!

А пока я надела на лицо маску невинной и прекрасной богини и придвинулась ближе, с удовольствием наблюдая, как ошеломление на красивом лице парня сменяется радостью и даже счастьем.

Он смотрел на меня влюбленными глазами, не видя, что Джема часто-часто моргает, едва сдерживая слезы.

Впрочем, в этот момент Дамир не видел никого, кроме меня. В отличие от меня самой. Потому что я-то как раз смотрела на поверженного врага, который в один миг превратился в обычную девчонку, готовую разрыдаться из-за смазливового парня.

Что еще раз доказывает, насколько она глупа. Я вот никогда не стану страдать из-за чувств к мужчине. Королевы не влюбляются.

Но победу надо было закрепить, а врага добить, чтобы он раз и навсегда запомнил, кто здесь главный. Поэтому я приподнялась на носочки и мягко прикоснулась губами к щеке Дамира, вырывая его вздох и аплодисменты публики. Теплая мужская ладонь на моей талии заметно потяжелела.

– Я очень рада тебя видеть, милый. – Я смотрела ему в лицо, но видела лишь Джему. То, как она на миг прикрывает глаза.

– Здравствуй, Дамир. Ты сегодня отлично выглядишь, – смущенно пролепетала девушка, не понимая, что он ее не слышит.

Дамир даже не повернул головы. Он сиял как начищенная монета, решив, что в наших отношениях наконец-то начались столь желанные для него перемены.

Джема снова моргнула. На ее загорелых щеках залегли некрасивые стыдливые пятна румянца. Вот удивительно – бесстрашная и решительная Джема, которая не боялась открыто выступить за то, что она считала справедливостью,

всегда пасовала перед красавчиком Дамиром и в его присутствии не могла связать и двух слов.

Впрочем, и это мне на руку.

Я медленно провела кончиком пальца по пурпурному бархату пиджака Дамира и промурлыкала:

– Как приятно, что ты оделся в мои цвета, милый. Мы станем украшением этого вечера. – Все же не зря я настояла на том, чтобы заранее оговорить его наряд. Рамка должна выгодно подчеркивать королеву.

– Ты украшение любого вечера, дня и ночи, Кэсси, – хрипловато от эмоций сказал Дамир, а я едва не поморщилась. Ну что за пошлость....

– Дамир, я слышала, ты поступил в Аннонквирхе? – снова попыталась привлечь внимание красавчика Джема.

Он повернул голову, но я тут же положила ладонь на его щеку, сбивая с толку новой улыбкой.

– Думаю, сегодня прекрасный день для начала новой жизни, правда, дорогой? И новых отношений? – с намеком произнесла я, и парень тут же забыл обо все на свете.

– Кэсс! Ты говоришь о...

Я многозначительно запечатала ему рот рукой.

– Тут посторонние.

– Что? Да мне плевать! Мне на всех плевать! Кэсс! Я так тебя....

Дамир внезапно подхватил меня за талию и приподнял, вырвав у меня одобрительный смешок, а у публики – новые

аплодисменты. Я едва не замурыкала, представив, как восхитительно мы смотримся: тонкая юная красавица в объятиях сильного и мужественного парня, пена юбок, искры пурпурных камней, развевающиеся розовые локоны!

Поистине спектакль, достойный оваций!

– Поставь меня, глупый!

– Кэсс, я так рад! Значит, ты на меня не злишься? За то, что я немного опоз...

А вот это уже не для ушей Джемы! И поэтому я стиснула руку Дамира так, что ногти впились ему в кожу, а сам парень удивленно вздрогнул.

– Кэсс?

– Думаю, нам пора войти в здание, сколько можно стоять на этом солнцепеке, – капризно протянула я.

Парень несколько удивленно поднял взгляд на широкий каменный свод над нашими головами, но покорно кивнул и повел меня к дверям. Так и не посмотрев на Джему.

А я вот не удержалась. Повернула голову и едва не вздрогнула от жгучего взгляда Ржаник. Она смотрела не на Дамира, нет. Она смотрела на меня. И увидев ее взгляд, многие преподаватели засомневались бы в миротворческих наклонностях этой ученицы.

В этом взгляде было слишком много чистой, темной, обжигающей ненависти.

Мортидо – термин, используемый в психоанализе для

обозначения вида психической энергии, источником которой является гипотетический инстинкт смерти.

Глава 3. Темный альков

Стоило перешагнуть широкие двери колледжа и оказаться в сумраке холла, как я выпустила руку Дамира и попыталась отстраниться. Но не тут-то было! Ладонь парень отпустил, но тут же обвил мою талию и, стремительно миновав полукруг мраморных статуй, сурово вззирающих на входящих, затащил меня в неглубокую нишу за ними. Ученики называли эти тайники «альковами для поцелуев». Не знаю, для чего они предназначались при строительстве, может, когда-то в них стояли питьевые фонтанчики или прятались закованные в латы стражники, но сейчас эти углубления использовались в основном для разных фриivolностей.

Собственно, именно этим Дамир и решил заняться.

Притянул меня ближе и потянулся к губам.

Я уперлась руками ему в грудь, не давая нашим ртам соприкоснуться.

– Эй, ты чего! – возмутилась я.

– А? – Он снова попытался стать ближе, но я мотнула головой, и вместо губ Дамир ткнулся в мой висок.

Я вздрогнула от влажного прикосновения и отпихнула парня уже всерьез, изо всех сил.

– Кэсс, ты что? – с обидой протянул Дамир, все еще пытаясь сократить расстояние между нами. – Ты же сама говорила! Только что!

– Ничего я не говорила, – буркнула я.

– Сказала, что хочешь сделать наши отношения лучше!

– Тебе показалось. – Я осторожно выглянула из-за алькова, надеясь, что поблизости не топчется парочка слишком любопытных выпускников. Но к счастью, почти все они стояли на лестнице в ожидании ректора.

– Да как это показалось? Ты же сама... – Дамир насупился и помрачнел. Его глаза недобро сощурились. – Снова твои шуточки, да, Кэсс?

– Не понимаю, о чем ты.

– Думаешь, я дурак? – Он наконец перестал махать руками, пытаясь поймать мои ладони. – Думаешь, не вижу, как ты... играешь? Когда тебе нужно, ты нежнее лепестков вишни, а когда нужда во мне пропадает, снова возвращается ледяная Кассандра! Почему ты так ведешь себя? Почему ты такая... бесчувственная!

Я промолчала, не видя смысла даже возражать. В конце концов, наше обучение подошло к концу, и Дамир выполнил свою функцию. Я окинула его придирчивым взглядом. Да, Дамир Норингтон, несомненно, красив. Статный, богатый, из хорошего и уважаемого рода. Король колледжа. Но я не видела особой разницы между ним и статуями в холле. Или между ним и долговязым рыжим Архипом. Один король, второй – пешка, но по сути оба – лишь фигурки на моей шахматной доске. Выполняют свои ходы, зарабатывают для меня очки, а после падают в коробку, и я тут же о них

забываю.

Словно услышав мои мысли, парень слегка побледнел. Неуверенно взъерошил волосы, заставляя блики света плясать на золотых прядях. Это тоже было красиво. И тоже совершенно не трогало.

– Кэсс, послушай...прости меня. Я сам не знаю, что говорю. Назвал тебя бесчувственной, прости...Я не хотел тебя обидеть...

– Я не обиделась.

С чего бы мне обижаться на правду?

– Да еще и этот день... Мы все сегодня немного... не в себе, правда? – Он выдавил улыбку, и я заскучала.

Я всегда в себе, не надо обобщать.

– Послушай, мы вместе почти год. И я хочу... хочу сказать, что это было лучшее время в моей жизни!

Я сумела подавить зевок. Конечно, не потому что боялась обидеть Дамира, а потому что от зевоты может испортиться мой макияж.

– И ты должна знать... знать... То, что я сказал тебе на лестнице... То, что хотел сказать...

Он судорожно выдохнул, и даже в сумраке ниши стали видны появившиеся на щеках пятна волнения.

– Кассандра Вэйлинг, я люблю тебя!

Нет, все-таки зевнула. Надо срочно найти зеркало и проверить губную помаду!

– Кэсси, ты меня слышишь? – Дамир схватил меня за ру-

ки, и я поморщилась.

Надеюсь, на запястьях не останутся следы, мне сегодня еще сиять золотым браслетом. Будет ужасно, если на фотографиях крупным планом мои запястья окажутся с пятнами.

– Ты слышала, что я сказал?

– Ну конечно, я слышала. Я ведь не глухая. А если ты будешь так орать, тебя услышит весь колледж.

– И хорошо! И пусть! – горячечно выдохнул парень, сжимая мои пальцы. – Пусть все знают! Не думай, что это временно, Кэсс... Я знаю, что я чувствую! Я люблю тебя. И это всерьез. Всерьез, понимаешь? Я хочу, чтобы у нас тоже все было всерьез!

– Дамир, успокойся, – покосилась я на мраморную спину, отделяющую нас от холла. Надеюсь, за ней не собралась толпа, чтобы послушать любовные излияния наследника Норрингтонов. Вот же проклятье! И как я вообще оказалась в подобной ситуации? Как позволила затащить себя в этот... альков! За прошедший год я ведь выучила миллион и один способ как не допустить подобного безобразия!

Все дело в этой гадине Ржаник! Джема вывела меня из равновесия и заставила утратить бдительность. И вместо того, чтобы блистать в кругу поклонников и завистников, я стою в пыльном углу и выдираю свои пальцы из горячих как уголь рук Дамира! Какой позор!

– Я хочу серьезных отношений. Понимаешь? Настоящих! Я люблю тебя и хочу всегда быть с тобой. Всегда! Я хочу...

Кэсс, ты выйдешь за меня замуж?

– Ты с ума сошел? – вот сейчас я действительно удивилась. – Дамир, ты в своем уме? Какие серьезные отношения, нам по семнадцать лет! Надо поступить в Академию, а потом... Вся жизнь впереди! Я хочу путешествовать, увидеть все три столицы, посетить разные уголки Империи и другие страны. Да и потом... Я не хочу замуж.

Тем более – за тебя.

– Да, мы молоды. – Парень упрямо выпятил челюсть, становясь похожим на бычка. – Но это ведь не помеха! Мои родители полюбили друг друга в колледже, а поженились на втором курсе Академии. И до сих пор счастливы. У нас будет так же, Кэсс.

Я все-таки смогла выдернуть свои ладони из его лапищ и осторожно размяла пальцы. Бедный наивный Дамир. Нет, у нас никогда не будет так же. Потому что мы не твои родители, на которых ты так восторженно ровняешься. А я не застенчивая и милая леди Анна – твоя мамочка.

Конечно, я знала семью Дамира. Как и все уважаемые семьи, они входили в Совет города, где председательствовал мой отец. По сути, мы были знакомы с той поры, как я впервые надела лаковые туфельки, чтобы станцевать вальс на зимнем балу. Мне тогда едва исполнилось восемь лет. И уже тогда семейство златокудрых Норингтонов казалось мне ненастоящим.

Став старше, я поняла, в чем тут дело. Леди Анна, ее

супруг Марк, сам Дамир и две его старшие сестры словно выбрались из открытки. Такие продают в огромном дворце библиотеки Архивор, что горделиво возвышается за Аллеей цветущих вишен. Помимо полок с тяжелыми талмудами в кожаных или деревянных окладах, старинных книг, картин и антиквариата, в этом здании есть огромный стеллаж с подобными открытками. Каждая картонка стоит как месячный оклад нашей кухарки. И с каждой в обрамлении толстых золотых вензелей смотрит прекрасный херувим – точная копия представителей семейства Норингтон.

В детстве я обожала эти картинки. С пузатыми малышами в белых платьицах, с суровыми мужчинами при мечях или шпагах и прекрасными женщинами в бархате, окруженными детьми и роскошными длинноносыми собаками. Я собирала эти открытки и рассматривала их ночами, мечтая забраться в одну из них и остаться там навсегда. А потом поняла, что все это – совершенно ненастоящее. Что так не бывает. Нет таких отцов и матерей, нет детей, улыбающихся, словно перед ними стол, заваленный пирожными. Все это лишь фантазия.

А потому, когда я встретила Норингтонов, я была уверена, что все они лишь притворяются, изображая счастливое семейство и копируя тех самых нарисованных ангелочков.

А когда поняла, что они и в самом деле такие... Возможно, именно в тот день у меня появилось желание сделать кому-нибудь из них больно? Например, улыбающемуся маль-

чику, который пригласил меня на первый в моей жизни та-нец...

– Кэсс? Ты меня слушаешь? Мы могли бы...

Я мотнула головой, наблюдая, как разлетаются мои волосы – розовые сверху, серебряные внутри. Тот мальчик давно вырос, как и я, впрочем.

Удивительно, но даже спустя годы Дамир все еще напоминает мне о тех открытках.

– Ничего мы не могли бы. – Мне надоел и этот балаган, и этот угол, и этот олух со всеми его чувствами. – Никогда.

– Я дам тебе время...

– Мне не нужно время, Дамир.

– Послушай... Я...

Не зная, что сказать и как вести себя, он снова потянулся ко мне, решив по глупости, что поцелуй скрасит неловкость момента и расставит все по своим местам. Что влажное прикосновение губ и языка зажжет искру в моей душе. Ну и все такое, в том же духе дурацких открыток с золотыми вензелями.

Но я лишь отпихнула парня, и он застыл, нелепо согнувшись и моргая.

– Не смей, – отчеканила я.

Дамир заморгал, и на миг мне показалось, что он расплачется, словно девчонка. А ведь любая другая девушка колледжа была бы счастлива оказаться на моем месте. А Джема так и вовсе сошла бы с ума от радости!

Но я не любая.

Я королева.

– Не смей, – повторила я.

– Ты не хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

– Мой первый поцелуй достанется тому, кого я захочу с первого взгляда, – насмешливо отозвалась я.

Дамир сглотнул сухим горлом и выпрямился.

Да, я знаю, многие в колледже уже целовались, а кто-то и не только целовался, но я ведь не многие. Я – особенная. И не позволю какому-то парню залезть в мой рот языком только лишь потому, что мне любопытно. Ну уж нет.

– Но я люблю тебя...

– А я тебя нет, – припечатала я, в упор глядя на Дамира. – Никогда не любила и никогда не полюблю. Мне неприятны твои прикосновения. Я всего лишь хотела, чтобы ты стоял рядом, когда мне это нужно. Но даже с этим ты не смог достойно справиться!

– Ты злишься на меня за опоздание! – Норингтон даже обрадовался, найдя причину моего поведения. Похоже, он все еще думал, что я снова играю, лишь изображая холодность. – Но я все объясню! Маме стало плохо, и я...

– Мне наплевать, – четко произнесла я, и Дамир поперхнулся.

Неловко дернул плечом, растерянно переступил с ноги на ногу. Не так он представлял этот разговор, совсем не так... В его голове все еще звучали фанфары его фантазий и заглу-

шали голос разума. Там он уже нарисовал и это объяснение, которое закончится слезами и поцелуями, и нашу будущую жизнь, срисованную с жизни его родителей.

Словно не понимая, что потерпел полное и окончательное фиаско, парень вдруг встrepенулcя, вспомнив.

– Ох, я совсем забыл! Я ведь забыл! И все сделал не так... Прости, Кэсс, сегодня и правда ужасный день... То есть я снова говорю не то! Это самый лучший день! Конечно, самый лучший! Просто я несколько... – Он суетливо сунул руку в карман пиджака, выдернул бархатную коробочку, выдохнул и открыл крышку.

Темный угол словно стал светлее от робкой улыбки Дамира и от кольца, сияющего в атласном гнездышке.

– Это мамино... Семейная реликвия. Она сказала отдать его тебе... сегодня... А вечером, после выпуска, мы могли бы пойти к ней и... вот... Примерь...

Я сжала губы. Несильно, все еще помня о макияже. Не хватало еще к пятнам на руках заполучить размазавшуюся помаду!

А потом дернула рукой, на которую Дамир настойчиво пытался пристроить кольцо.

– Ты что, глухой? Или тупой? – Я окатила его презрительным взглядом. – Я тебя не люблю. И мы расстаёмся. Сейчас же. Все, отстань от меня!

Украшение, выбитое из ладони, описало в воздухе дугу и – звяк! – скатилось в щель между досками. Блеснуло ярким

камушком и пропало. Дамир перевел ошеломленный взгляд с пола на меня.

– Но мама...

– Ах, да мне плевать! И на тебя, и на твою ненаглядную мамочку! Катись к ней и оставь меня в покое, понял? Все ваше ненормальное открыточное семейство... да катитесь вы к черту!

И развернувшись на каблуках, я наконец покинула проклятый альков, оставив ошеломленного парня то ли смотреть мне в след, то ли искать укатившуюся в неизвестность семейную реликвию.

Я забыла и о Дамире, и о кольце, как только повернулась спиной и вышла на свет.

Глава 4. Ход пешки

Церемония вручения дипломов началась как в тумане. Выпускники собрались в зале торжеств, украшенном цветами, звездами и пурпурными лентами. Погруженная в свои мысли, я не слушала прощальные речи наших преподавателей. В конце концов, я не слушала их даже во время обучения, с чего бы начинать это делать сейчас? Да и все эти слезливые фразы из разряда: мы будем скучать... вы были незабываемыми учениками, и все такое... вызывали у меня лишь зевоту, с которой я отчаянно боролась.

Конечно, меня первой вызвали на помост, чтобы вручить корочку с записью об окончании колледжа. Я приняла ее, даже не улыбнувшись старичку декану, чем вызывала его недоумение. Но ведь бумажка ничего не значит, главную ценность я получу позже.

Потому диплом я равнодушно сунула одному из своих верных прислужников, кажется, Архипу, велев сохранить в целости и доставить в дом Вэйлингов. И даже не сомневаясь, что все будет исполнено в точности.

Дамир – бледный и молчаливый, непривычно не улыбаемый, – поднялся на помост, ни на кого не глядя, и так же ушел, забрав свою запись.

Я на него почти не смотрела. Внутри меня поднималось напряжение и предвкушение. Такое же, отголоски которо-

го я видела на лицах остальных выпускников. Все мы ждали момента, когда церемония прощания с колледжем завершится, а в зал наконец войдет Высокая Комиссия. Те самые люди, которые по-настоящему решат наши судьбы. И которые дадут то, что имеет истинную ценность. Не чета глупым бумажкам!

Декан начал очередную речь, и я окончательно заскучала. Взгляд блуждал по лицам сокурсников. Еще немного – и мы с ними расстанемся навсегда! Меня ждет прекрасная жизнь в Аннонквирхе, а потом в одной из столиц Империи, а их... Собственно, мне совершенно наплевать, что ждет их!

– ...миротворцы – гордость и опора нашего общества, величайшее достижение в истории...

Позади меня кто-то из девушек шумно выдохнул.

– ... почти триста лет назад, во время конфликта в южных регионах, ряд исследователей Линий Духа провел первый эксперимент, ознаменовавший начало...

Один из парней негромко простонал то, о чем думали все:

– Да знаем мы все это! Сто раз слышали!

Но декан продолжал говорить, словно не замечая усиливающееся напряжение.

– ... в ходе которого особых людей обучали ощущать гармонию внутри себя, а после их отправляли в истерзанные войной регионы... Первые миротворцы, конечно, еще не имели панелей, но сохраняя мир внутри, они гармонизировали окружающее пространство. И военные конфликты

шли на спад, количество пострадавших уменьшалось. Эксперимент был признан крайне удачным! Внутренняя гармония миротворцев влияла на окружающую реальность, уменьшала количество преступлений, конфликтов и бытовых раздоров. Опыты по дальнейшему использованию миротворцев продолжились... Первая Академия по обучению подобных людей была открыта на севере Империи, в городе Староград, это всем известная Аннонквирхе, действующая и поныне...

– Когда он закончит? – прошептали позади. – Как думаете, к нам приехал кто-то из Совершенных? Папа говорит, что в этом году точно кто-то из них...

Я тихо хмыкнула, не поворачивая головы. Я-то точно знала, что за гость ожидает в тайной комнате. К сожалению многих собравшихся, Касл еще нескоро посетят Совершенные. Не знаю почему, но мой отец-градоначальник никогда не приглашал тех, кто входит в пантеон.

Возможно, они напоминали ему о маме...

– Создание первых нейро-панелей вывело гармонизацию Духа на новый уровень...

– Да когда же уже!

Напряжение нарастало подобно температуре в вулкане. Новый вздох за спиной – уже громче. И словно эхо – черед выдохов, скрипов, стонов. Закипающая волна человеческих эмоций. Ожидание, готовое смениться нетерпением, внимание, перетекающее в скрытую агрессию. Шелест волны, предвещающий шторм.

– Зачем он говорит то, что все и так знают со школьной скамьи? Я сейчас взорвусь... – прошептал кто-то слева.

– Ну а сейчас, – глянул декан на говорившего поверх пенсне и чуть повысил голос, в котором скользнула очевидная насмешка. – С превеликой радостью я приглашаю на эту сцену наших дорогих гостей из Высокой Комиссии! И особенную гостью, которая в этот незабываемый день прибыла к нам из северной столицы, чтобы вручить нейро-панели нашим лучшим ученикам! Для всех нас большая честь принимать в стенах колледжа Катерину Вольц, Верховного Миротворца Империи!

Изумление и шок на лицах. И волна эмоций, ударившая каждого из нас, когда они прорвали плотину сдержанности и хлынули неконтролируемым потоком.

Катерина Вольц? Сама Катерина Вольц приехала из Неварграда?

Даже я стояла, широко распахнув глаза и делая вид, что жутко удивлена!

Хотя я единственная не только готовилась к этой встрече, но и ждала ее. А ведь отец ни словом не обмолвился о приезде его старой боевой подруги. Он скрыл это даже от меня, своей дочери. Но я давно уже не рассчитываю на то, что отец будет делиться со мной своими планами и потому вполне успешно строю свои!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.